

Войны и военные конфликты начала XX в. в фольклорном сознании дальневосточников

Лидия Евгеньевна Фетисова,

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: lefet@yandex.ru

Военные конфликты начала XX в. на территории сопредельных России азиатских государств, участником которых являлась наша страна, освещались в научной литературе с разной степенью достоверности. Расширение информационных возможностей позволяет современному исследователю рассмотреть многочисленные, в том числе и полярные, точки зрения. Возникла необходимость проанализировать наблюдаемое разнообразие подходов к оценке событий, по тем или иным причинам оказавшихся в «зоне забвения/отчуждения» коллективной памяти. Статья посвящена двум конфликтам, имевшим для Российской империи важное историческое значение: это подавление восстания ихэтуаней в 1900—1901 гг. («китайская война») и Русско-японская война 1904—1905 гг. В качестве одного из источников автором использованы фольклорные материалы, дающие представление об отражении фактов региональной истории народным художественным сознанием. Особое внимание уделено «китайской войне», а в её границах — трагическому эпизоду, связанному с обстрелом Благовещенска ихэтуанями летом 1900 г., когда при депортации на правый берег Амура погибло около 5 тыс. мирных китайцев. Данный факт региональной истории не случайно был вытеснен воспоминаниями о героических событиях и перемещён в «зону отчуждения» обыденного сознания. В противовес этому военный конфликт 1904—1905 гг. между Российской империей и Страной восходящего солнца не только получил обширную научную библиографию, но и занял прочное место в народной исторической памяти. Фольклорное наследие, посвящённое данной войне, отражает оценки как сторонников монархии, так и их противников. Образ врага, сформированный в тот период, сохранил свою актуальность и спустя 40 лет, в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, начало XX века, военные конфликты, региональный фольклор, историческая память.

Wars and Military Conflicts in the Folklore Consciousness of the People of the Far East in the Early Twentieth Century.

Lidiya Fetisova, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: lefet@yandex.ru.

The military conflicts on the territory of the Asian states neighbouring Russia in the early twentieth century, where Russia also took part, have been described in the scientific literature with a various degree of accuracy. The expansion of information capabilities makes it possible to study a large number of different points of view. It is important to analyse a variety of approaches in order to evaluate the events which turned out to be in “the zone of oblivion” of collective memory. The paper is devoted to two conflicts that were of great importance for the Russian Empire: the Suppression of the Boxer Rebellion of 1900—1901 (“the Chinese War”) and the Russo-Japanese War of 1904—1905. One of the research sources are folklore materials that give an idea of the folk perception of the regional history. Special attention is paid to “the Chinese War” and to the tragic episode when the fire attack of Blagoveshchensk by the Boxers happened in the summer of 1900, and around five thousand Chinese civilians died during the deportation to the right bank of the Amur river. This episode of the regional history was deliberately replaced by the memories about heroic events and moved into “the oblivion zone” of collective memory. The military conflict between the Russian Empire and Japan (the Russo-Japanese War of 1904—1905) got a large scientific bibliography and took place in the national historical memory. The folklore heritage devoted to this war reflects the contradictory evaluation of the event both by monarchists and their opponents. The image of the enemy which had been formed during that time was of interest even 40 years later during the Second World War.

Keywords: Russian Far East, the early 20th century, military conflicts, local folklore, historical memory.

Российский Дальний Восток, являясь пограничной территорией, всегда оставался зоной как потенциальных, так и реальных конфликтов, которые получали отражение в народном творчестве. История региона, осмысленная художественным сознанием, была важным культурообразующим фактором для территории нового освоения. Локальные военные действия, зафиксированные фольклором, со временем приобретали историческую значимость и становились «событиями-символами» в памяти нации [15, с. 260]. Вместе с тем следует иметь в виду, что формирование историко-культурной памяти имеет две стороны — «зону памятного» и «зону забвения/отчуждения» [21]. Второй термин заслуживает специального внимания, поскольку по истечении времени границы между «зонами» могут меняться, что, как правило, связано с появлением новой информации, требующей дополнительного осмысления. Цель данной статьи — сквозь призму фольклорного сознания рассмотреть войны начала XX в., которые Россия вела на сопредельной территории, вблизи своих восточных границ. Такой подход позволяет выявить причины вытеснения того или иного факта на периферию коллективной исторической памяти. В региональной истории с этих позиций особый интерес представляет так называемая китайская война — участие Российской империи в подавлении восстания ихэтуаней в Китае; первая, но отнюдь не последняя война русского государства в XX в.

Истоки конфликта заключались в экономических и политических проблемах Поднебесной империи, которые вызывали массовое недовольство её граждан и в конце концов привели к восстанию ихэтуаней 1898—1901 гг., называемому также «боксёрским». Оно имело явную антизападную, антиевропейскую направленность. По словам наблюдателей, «китайцы проявили крайнюю жестокость по отношению к тем русским, которые попадали в их руки. С другой стороны, отступающие русские отряды не были ограничены в применении оружия против мирного населения китайских деревень, через которые они отступали» [11].

Одной из форм неприятия всего европейского со стороны ихэтуаней стали антихристианские погромы, прокатившиеся по стране. Особенную непримиримость повстанцы, называвшие себя «небесным воинством», проявляли в отношении китайцев-христиан, считая их предателями. Известно, что в июне 1900 г. ихэтуани совершили нападение на Русскую духовную миссию, сожгли храм и жестоко расправились с соотечественниками, принявшими православие. 222 китайца из погибших за веру были канонизированы Русской православной церковью в 1902 г. как местночтимые святые. В их числе иерей Митрофан (Цзи Чун), первый китаец-священник, и святая Ия Вэнь, учительница в школе при Православной миссии. Иконы новомучеников освятили в Благовещенске в 1902 г. [8].

Среди первых серьёзно пострадавших российских подданных были инженеры и рабочие — строители Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Нападения на неё начались летом 1898 г.; к лету 1900 г. ситуация ещё более обострилась. Для защиты КВЖД в Маньчжурию были направлены русские войска — солдаты и казаки. (В обязанности Уссурийского казачьего войска, созданного в 1889 г. и размещённого вдоль российско-китайской границы, входила также охрана территории вблизи строящейся КВЖД.)

С появлением информации о случаях нападения китайцев на российских подданных, находившихся на территории Поднебесной, оживился синдром «жёлтой опасности» в приграничных районах Российской империи. Н.П. Матвеев, один из первых летописцев Южно-Уссурийского края, сообщал, что для Владивостока, как и для всего края, «1900 год был наиболее тяжёлым и беспокойным ввиду объявления их на военном положении» [12, с. 327]. Он отмечал: «... в это время нельзя было не заметить одну курьёзную черту в характере китайцев — это некоторое хвастовство... Здесь, во Владивостоке, они тоже хвастались тем, что „ушипко скоро китайские солдаты городу ходи. Владивосток есть китайский город“» [12, с. 332]. По мнению Н.П. Матвеева, с этого времени «жизнь была отравлена порядочной дозой взаимного недоверия» [12, с. 333].

12 июня (по ст. с.) 1900 г. в Приамурском округе было введено военное положение, но открытого конфликта никто не ожидал, и 29 июня основная часть войск из Благовещенска отправилась в Хабаровск для последующего продвижения по р. Сунгари в Китай. В приграничном Благовещенске, по словам современника, «настроение в первые дни после объявления мобилизации было смутное и тревожное». На страницах газет постоянно появлялись сообщения об уличных столкновениях, инициаторами которых

выступали отнюдь не китайские подданные: «Увесистые кулаки запасных чинов, не упустивших случая выпить с горя, частенько прогуливались по спинам молчаливых и злобно поглядывающих „ванек“, т.е. китайцев» [7, с. 5].

1 июля китайская батарея обстреляла идущие по Амуру русские гражданские пароходы «Михаил» и «Селенга», а 2 июля начался обстрел Благовещенска со стороны Поднебесной, продолжавшийся 19 дней, до 20 июля. В первый день были убиты три человека и шестеро ранены. На защиту города встали ополченцы, представители всех сословий. Однако синдром «жёлтой опасности» набирал обороты. Уже к вечеру первого дня начались убийства и грабежи местных китайцев. Власти приняли решение о депортации иноподданных на другой берег Амура, но без предоставления соответствующих плавсредств. Против тех, кто отказывался войти в воду, применяли нагайки и даже шашки. Преодолеть быстрое течение почти никто не смог. Переправившихся на другой берег добывали как предателей сторонники ихэтуаней. По разным источникам, в ходе этой акции погибли от 4 до 5 тыс. китайцев. Оставленное ими имущество подверглось разграблению [3]. Неадекватность ответных мер очевидна, неудивительно, что эти страницы региональной истории надолго заняли место в «зоне отчуждения» коллективной памяти дальневосточников.

Рассказы о спасении местных китайцев российскими подданными представлены единичными сюжетами. Согласно одному из них, крупный купец Юн Ха Зон, свободно владевший русским и французским языками и принятый городским бомондом, спасся лишь потому, что заплатил высшим полицейским чинам и те продержали его в тюрьме 18 дней [13]. Китайские служащие фирмы Кунст и Альберс укрылись в подвалах принадлежащих ей зданий. В семье автора материала «Маньчжурская война» рассказывали, что их родственники, молокане Ефимовы, спасли от расправы малолетнего китайчонка и вырастили его как члена семьи [11].

В основном же фамильные предания старожилов края, дошедшие до наших дней, окрашены героико-ностальгически. Так, в семье П. Жирнова, жителя Благовещенска в 5-м поколении, рассказывают, что их прадед С.Т. Тарасов в те дни дежурил на втором участке обороны города, от ул. Офицерской (ныне Мухина) до Графской (ныне Калинина). Позже он был награждён серебряной медалью «За поход на Китай 1900—1901». Такие медали до сих пор можно найти в антикварных магазинах Благовещенска [5].

Спасение города жители приписывали Албазинской иконе Божьей Матери «Слово плоть бысть» (рис. 1), находившейся в кафедральном соборе. Современники передавали рассказы местных китайцев о том, что в те дни они видели над городом «Светлую Женщину», лишавшую силы их снаряды. Эта информация пополнила список религиозных легенд о защитной функции чудотворной иконы [17]. В дооктябрьский период в Благовещенске ежегодно проходил молебен 20 июля в честь снятия осады 1900 г., однако известно, что в 1902 г. Священный синод отклонил ходатайство Благовещенской городской думы об установлении ежегодного праздника в память избавления «от разгрома китайскими полчищами», как сообщалось в представлении, подготовленном «отцами города» [13].

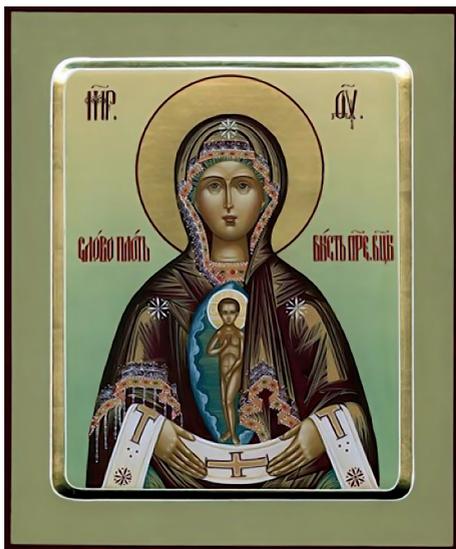

Рис. 1. Албазинская икона Божьей Матери «Слово плоть бысть». *Источник:* URL: <https://molitvoslov.today/assets/templates/molitvoslov/photo/albazinskaya.jpg> (дата обращения: 26.09.2019)

Рис. 2. Карикатура. Раздел Китая европейскими державами и Японией. *Источник:* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ихэтуаньское_восстание (дата обращения: 26.09.2019)

Несмотря на то, что спустя некоторое время на высочайшем уровне было проведено официальное расследование, никто из представителей власти, виновных в произошедшем, не понёс серьёзного наказания. Более того, трагические события на далёкой окраине стали рассматриваться как вынужденная мера в условиях военного времени и в ситуации реальной угрозы городу и его жителям — российским подданным. Как констатирует современный аналитик, «событие это не стало предметом рефлексии для российского общества тогда и почти полностью забыто сейчас» [3].

Реакция китайской стороны также вполне предсказуема. На правом берегу Амура, где после осады Благовещенска были разрушены населённые пункты Айгун, Сахалин и Колушаны, ныне построен музей, закрытый для русских [13]. По словам пограничников, в годовщину массовой гибели китайцев жители КНР пускают по реке маленькие плавающие фонарики с зажжённой свечой внутри, олицетворяющей души трагически погибших [5].

Однако участие России в подавлении боксёрского восстания являлось событием далеко не местного, а международного масштаба. Именно из-за похода на Пекин в составе альянса восьми мировых держав (рис. 2) дальневосточный контингент войск оставил Благовещенск без прикрытия. 4 августа 1900 г. к Пекину, захваченному ихэтуанями, двинулась двадцатитысячная объединённая армия из российских, британских, американских, японских, французских, австро-венгерских, германских военнослужащих, под командованием русского генерала Н.П. Линевича

(будущего героя Русско-японской войны 1904—1905 гг.) (рис. 3). Восстание жестоко подавили, в том числе силами правящей маньчжурской династии, первоначально поддерживавшей ихэтуаней. Заключительный протокол между иностранными державами и Китаем был подписан год спустя — 25 августа 1901 г., однако карательные экспедиции в Маньчжурии продолжались до поздней осени. Последний отряд ихэтуаней русские казаки уничтожили в июле 1902 г. В том же году Россия и Цинская империя подписали договор, согласно которому наша страна сохранила право пользования КВЖД, но её войска должны были покинуть Маньчжурию.

Рис. 3. Генерал Линеви́ч Никола́й Петро́вич (1838—1908). Источник: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Линеви́ч,_Никола́й_Петро́вич (дата обращения: 26.09.2019)

Для уссурийских казаков участие в «китайской войне» стало первым боевым крещением [16, с. 78], что было зафиксировано устным творчеством:

*Воды Сунгари, Амура
Уж теперь у нас в руках,
Шаг за шагом наступаая,
Росс внушал китайцу страх... [4, с. 95].*

Данный текст был создан на основе популярного гимна «Гром победы раздавайся», посвящённого русско-турецким войнам.

В солдатском репертуаре Южно-Уссурийского края также появилась песня, напоминавшая о событиях тех лет:

*Шёл солдатик из походу,
Из проклятого народу,
Из Китая, из Китая... [Арх. ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 7. Л. 29].*

Не надо думать, что пренебрежительное отношение к представителям жёлтой расы было свойственно исключительно низшим российским сословиям. С середины XIX в. в стране утвердилось представление о Китае как об остановившемся в своём развитии обществе, что являлось отражением западноевропейского взгляда на мир. Китайцы, в свою очередь, также относились к европейцам с высокомерием древней нации, считавшей остальные народы варварами.

Освещение «китайской войны» российскими авторами подвергалось мощному идеологическому воздействию на протяжении более чем столетнего отрезка времени. Причём объективной оценки не содержит

ни дореволюционная, ни советская историография [10, с. 3]. Субъективный характер носят и сами источники, в том числе основанные на свидетельствах очевидцев. Один из современных историков назвал эту войну малоизвестной, но «славной для русского оружия» [20], однако даже аналитики начала XX в. были более осторожными в своих оценках. Думается, не случайно редактор-издатель «Амурской газеты» А.В. Кирхнер в предисловии к своей книге, вышедшей по следам событий в 1900 г., заметил: «Открытие военных действий со стороны Маньчжурии против России, безотносительно к тому, каковы установятся дальнейшие отношения между двумя соседними державами, Россией и Китаем, составляет факт громадной важности и будет иметь большое историческое значение» [7, с. 1].

Сохранение и трансляция фольклорным сознанием ключевых образов формируют ядро народной памяти, которая, однако, далеко не всегда является объективной. Именно так следует расценивать изгнание китайцев из Благовещенска в 1900 г. — событие, вытесненное из коллективной памяти дальневосточников. Главной причиной этого, по-видимому, надо считать естественное стремление обойти молчанием страницы истории, разрушающие миф об исключительной толерантности русского народа.

В 1900 г. Япония и Россия входили в состав одной международной коалиции, и, несмотря на имеющиеся противоречия, трудно было представить их прямое военное столкновение в ближайшем будущем. Однако, по воспоминаниям Н.П. Матвеева, «1903 год был отмечен постоянным ожиданием разрыва с Японией» [12, с. 336]. Война, начавшаяся на чужой территории в 1904 г., по-разному воспринималась в крупных городах и сельской местности [18], в центре страны и на далёкой окраине. Как писала М.П. Бок, дочь П.А. Столыпина, театр военных действий находился так далеко, что русскому человеку было непонятно, за что его посылают драться. Сам П.А. Столыпин в узком семейном кругу заметил: «Как может мужик идти радостно в бой, защищая какую-то арендованную землю в неведомых ему краях? Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом» [1, с. 89]. Казаки же, используя накопленный боевой опыт, успешно участвовали в военных операциях. Уссурийцы отрядили в действующую армию 600 чел. Впоследствии многие из них были награждены Георгиевскими крестами [4, с. 96]. Наиболее удачные операции «летучих разъездов» в тылу японской армии запечатлевались на лубочных картинках, которые распространялись в армейских подразделениях (рис. 4).

В этот период именно на востоке создавались произведения, которые затем входили в общерусский фонд, совершая движение на запад. Впоследствии на Дальнем Востоке, как и в России в целом, художественная память о Русско-японской войне была связана с авторскими песнями о гибели «Варяга» («Наверх вы, товарищи» и «Плещут холодные волны»), но местные тексты также не были забыты.

Память о героях закреплялась фольклорной традицией. Так появилась песня «Вспомним, братцы-уссурийцы» о гибели генерала Ф.Э. Келлера. В основу был положен более ранний текст «Вспомним, братцы мы кубанцы», посвящённый русско-турецким кампаниям. Ф.Э. Келлер (1850—1904), в своё

Рис. 4. Русский лубок: казаки в схватке с японцами. *Источник:* URL: <https://i.pinimg.com/originals/38/fc/48/38fc4858fafa3ddd3ef17556b4649e96.jpg>

время бывший участником сербско-турецкой и русско-турецкой войн, отправился в Маньчжурию по собственному желанию, оставив должность Екатеринославского губернатора. По прибытии он стал во главе 2-го Восточно-Сибирского корпуса, вскоре был назначен начальником Восточного отряда. По воспоминаниям современников, храбрый и мужественный Келлер поднял боевой дух вверенных ему войск [6]. 18 июля 1904 г. он проехал верхом к наиболее обстреливаемой батарее и был смертельно ранен — «Получил большую рану / От японца-подлеца» [4, с. 97, 161]. Генерал был вынесен с поля боя; похоронен в семейной усыпальнице в своём имении Сенницы.

Песня всегда являлась духовным оружием русской армии. Истинные герои нередко входили в народную память как фольклорные образы. Среди участников Русско-японской войны, выходцев из народа, прославился разведчик 284-го Чембарского полка Василий Рябов. Осенью 1904 г. он был схвачен японцами и после жестокого допроса расстрелян. Его образ символизировал мужество и стойкость русского воина:

*Не скажу я вам ни слова,
На то русский я солдат... [9, с. 77].*

Песня прочно вошла в воинский репертуар, исполнялась и в середине XX в. Её популярности в немалой степени способствовал выпущенный в Одессе лубок. Пантомима «Подвиг рядового Рябова» разыгрывалась перед солдатской аудиторией. В 1909 г. прах В. Рябова был перевезён в его родную деревню под Пензой. В Пензенском областном архиве хранится копия телеграммы из Мукдена о последних минутах жизни Василия Рябова.

Примечательно, что о героическом поведении разведчика сообщил капитан штаба японской армии в письме русскому командованию [9, с. 77].

Повсеместное распространение получила также песня «На взморье мы стояли»:

*Врѣшь ты, врѣшь ты, враг японец,
Русских войск ты не побьѣшь,
А у русских войска много,
Русский сможет угостить,
Угостить свинцовой пулей
На закуску штык стальной... [14, с. 133].*

Вместе с тем для большинства русских крестьян жизненным идеалом являлась возможность свободной работы на земле:

*Нехорошая погода
Девятьсот шестого года
Душу извела,
Душу извела.
Хорошо тому на свете,
У кого жена и дети,
Матушка й отец.
Матушка й отец.
Хорошей всего — на воле
Поработать в чистом поле.
И беде конец, и войне конец,
И беде конец, и войне конец [19, с. 159].*

Даже произведения, созданные представителями воинского сословия, — казаками — далеко не всегда носили пафосно-героический характер. Многие из них отражали личные переживания, размышления о жизни и смерти:

*Хотя нетрудно нам, ребята,
С врагом японцем воевать,
Но нам трудней всего бывает
Убитых братьев прибирать... [4, с. 96].*

Наряду с этим в начале XX в. широкое хождение имели сюжеты, со-державшие негативную оценку действий высшего военного руководства. Тому имелись объективные причины, но не последнюю роль сыграла также революционная пропаганда, адресованная солдатам и матросам, которых готовили для действующей против Японии русской армии. Советские историки с гордостью писали: «Влияние большевиков на развитие революционного движения во время войны было огромно. Развёртыванием широкой агитации среди рабочих, крестьян, солдат и матросов большевики сумели разъяснить захватническую сущность этой войны и политику царского правительства, расхившуюся с интересами широких

народных масс. Большевики сумели разъяснить, что поражение самодержавия в этой войне выгодно трудящимся» [10, с. 5].

Призыв не подчиняться воинской дисциплине находил поддержку у рекрутируемых, о чём свидетельствуют материалы краеведа из Благовещенска Г.С. Новикова-Даурского:

*Не пойду-ка я на фронт,
Не пойду в солдаты,
Отсижуся я в тайге,
Как други ребята [22, с. 412].*

В общей стилистике многих фольклорных текстов заметна сатирическая направленность. Один из ветеранов Русско-японской войны говорил сибирскому фольклористу Л.Е. Элиасову: «Всем доставалось: и Куропаткину, и Стесселю, и Фоке»:

*Фока, Фока генерал
Нас японцам запродай.
Попадётся в лапы к нам,
Крепко стукнем по зубам,
Отобьём бока и рыло,
Скажем все, что так и было [22, с. 406—407].*

(Современники считали, что В.А. Фок, сменивший Р.И. Кондратенко на посту начальника сухопутных войск Порт-Артура, сдал крепость, которая ещё имела ресурс обороны [2].)

В 1905 г. было опубликовано стихотворение ссыльного народовольца В.Г. Богораза-Тана «Цусима» («У дальней восточной границы»). Вскоре появились народно-песенные версии этого произведения («В далёком Цусимском проливе»), обличительный пафос которых был направлен против бездарных военачальников, а финальные строки содержали призывы к отмщению за напрасные жертвы. Имели хождение и тексты других авторов. Е.Н. Сыстеровая, учительница из Дальнереченска (Имана), вспоминала: «Много было песен, которые пели потихоньку, с „тайного листочка“. Такие песни и тётки мои пели, дополняя одна другую, и отец, и дядья... Особенно распространена и популярна была песня „От павших твердынь Порт-Артура“» [19, с. 164]. Это стихотворение, написанное в 1905 г. Т.Л. Щепкиной-Куперник, поэтом скромного дарования, автором любовных романсов, действительно пользовалось огромной популярностью.

Текст из архива Е.Н. Сыстеровой, переписанный с «тайного листочка», весьма близок к оригиналу, включая концовку:

*Солдат ничего не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза.
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза [19, с. 167].*

Надо признать, что бунтарские антиправительственные тексты значительнополнили народный репертуар, особенно молодёжный. Неудивительно, что эта война, не добавившая славы русскому оружию, вызвала следующие революционные волнения 1905—1907 гг.

Новая страница дальневосточной военной истории открылась после Октябрьской социалистической революции, расколовшей российское общество на «красных» и «белых». Для жителей региона не последнюю роль в этом процессе сыграл фактор иностранной интервенции, особенно японской, поскольку ещё не были забыты потери 1904—1905 гг. В устных рассказах ведущей являлась тема жестокости японцев. Образ врага, сформированный не только боевым, но и художественным опытом поколений, сохранял свои позиции и в годы Второй мировой войны. Таким образом, военная история, зафиксированная устным творчеством, несмотря на всю свою субъективность, остаётся неотъемлемой частью региональной культуры.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бок (Столыпина) М.П. Воспоминания о моём отце П.А. Столыпине. М.: А.Н. Сытин и К°, 1992. 255 с.
2. Гущин А.В. Оборона Порт-Артура: «Сухопутные не признают моряков, моряки сухопутных, да ещё и между собою вражда...». URL: <http://coollib.com/b/279091/read> (дата обращения: 30.11.2014).
3. Дятлов В. Благовещенская «утопия»: из истории материализации фобий // Демоскоп Weekly. № 233—234. 6—19 февраля 2006. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0233/analitos.php> (дата обращения: 22.08.2019).
4. Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России: вторая половина XIX — начало XX в. Владивосток: Дальнаука, 2004. 173 с.
5. Жирнов П. Семь дней июля: 119 лет назад ихэтуани осадили Благовещенск // Амурская правда. 16.07.2019. URL: <http://www.ampravda.ru/2019/07/16/089695.html> (дата обращения: 22.08.2019).
6. Келлер Фёдор Эдуардович. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Келлер_Фёдор_Эдуардович (дата обращения: 12.08.2014).
7. Кирхнер А.В. Осада Благовещенска и взятие Айгуна. Репр. М.: Книга по требованию, 2011. 219 с.
8. Китайские мученики. URL: <https://pravoslavie.ru/orthodoxchurches/41626.htm> (дата обращения: 23.09.2019).
9. Кузьмин А.И. Военная героика в русском народно-поэтическом творчестве. М.: Просвещение, 1981. 96 с.
10. Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904—1905 гг. 3-е изд., испр. и доп. М.: Госвоенное изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1938. 359 с.
11. Маньчжурская война 1900—1901 года. Боевые действия на КВЖД. URL: <https://cont.ws/@dinol/290467> (дата обращения: 16.09.2019).
12. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Рубеж, 2010. 476 с.
13. Надеяева Н. Оборона Благовещенска 1900 года: две стороны одной медали. URL: <https://www.amur.info/culture/2015/07/31/5750> (дата обращения: 29.08.2019).

14. Обшарина Е.С. «Песни-переделки» и их бытование на Дальнем Востоке // История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1971. С. 132—133.
15. Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 462 с.
16. Сергеев О.И. Участие уссурийского казачества в военных событиях первой четверти XX в. // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1995. С. 78.
17. Сказание об Албазинской иконе Божьей матери «Слово плоть бысть». URL: <http://www.ioann-bogoslov.ru/all/h/ab.htm> (дата обращения: 31.05.2011).
18. Смирнова Е.А. Отношение провинциального общества к русско-японской войне в 1904—1905 гг.: на материалах губерний Верхнего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2006. 22 с.
19. Фольклор Дальнеречья, собранный Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой: сб. / сост., коммент. и вступит. ст. Л.М. Свиридовой. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 288 с.
20. Шамбаров В. Русские берут Пекин. URL: <https://aleksei-44.livejournal.com/3444714.html> (дата обращения: 20.08.2019).
21. Шестая международная научная конференция «Механизмы формирования зон культурного отчуждения и пограничья — 2019». URL: <https://cult-exclusion.ru/konferenczii/tekushhie/kulturnoe-otchuzhdenie> (дата обращения: 16.09.2019).
22. Элиасов Л.Е. Фольклор Восточной Сибири. Ч. 3. Локальные песни. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1973. 495 с.
23. Арх. ДВО РАН (Арх. Дальневосточного отделения Российской академии наук).

REFERENCES

1. Bok (Stolypina) M.P. *Vospominaniya o moem ottse P.A. Stolypine* [Memoirs about my Father P.A. Stolypin]. Moscow, A.N. Sytin i K^o Publ., 1992, 255 p. (In Russ.)
2. Gushchin A.V. *Oborona Port-Artura: "Sukhoputnye ne priznayut moryakov, moryaki sukhoputnykh, da eshche i mezhdub soboyu vrazhda..."* [The Defense of Port-Artur: "Land Forces Don't Recognize Sailors, Sailors Don't Recognize Land Forces, and Even a Quarrel Between Them..."]. Available at: <http://coollib.com/b/279091/read> (accessed 30.11.2014). (In Russ.)
3. Dyatlov V. Blagoveshchenskaya "utopiya": iz istorii materializatsii fobiy [The Blagoveshchensk "Utopia": From the History of Materialization of Phobias]. *Demoskop Weekly*, 2006, February 6—19, no. 233—234. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0233/analitos.php> (accessed 22.08.2019). (In Russ.)
4. Ermak G.G. *Semeynyy i khozyaystvennyy byt kazakov yuga Dal'nego Vostoka Rossii: vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.* [Family and Economic Life of the Cossacks of the South of the Russian Far East: The Second Half of the 19th Century — the Early 20th Century]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2004, 173 p. (In Russ.)
5. Zhirnov P. Sem' dney iyulya: 119 let nazad ikhetuani osadili Blagoveshchensk [Seven Days of July: 119 Years Ago, the Boxers Besieged the City of Blagoveshchensk]. *Amurskaya Pravda*, 2019, July 16. Available at: <http://www.ampravda.ru/2019/07/16/089695.html> (accessed 22.08.2019). (In Russ.)
6. Keller Fyodor Eduardovich [Keller Fedor Eduardovich]. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Келлер_Фёдор_Эдуардович (accessed 12.08.2014). (In Russ.)
7. Kirkhner A.V. *Osada Blagoveshchenska i vzyatie Ayguna*. Repr. [The Siege of Blagoveshchensk and Capture of Aygun. Reprint]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2011, 219 p. (In Russ.)

8. *Kitayskie mucheniki* [Chinese Martyrs]. Available at: <https://pravoslavie.ru/orthodox-churches/41626.htm> (accessed 23.09.2019). (In Russ.)
9. Kuz'min A.I. *Voennaya geroika v russkom narodno-poeticheskom tvorchestve* [Military Heroism in the Russian Folk Poetic Writing]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1981, 96 p. (In Russ.)
10. Levitskiy N.A. *Russko-yaponskaya voyna 1904—1905 gg.* 3-e izd., ispr. i dop. [The Russo-Japanese War of 1904—1905. The 3rd Enlarged and Revised Edition]. Moscow, Gos. voennoe izd-vo Narkomata oborony Soyuzu SSR Publ., 1938, 359 p. (In Russ.)
11. *Man'chzhurskaya voyna 1900—1901 goda. Boevye deystviya na KVZHD* [The Manchurian War of 1900—1901: The Fighting on the CER]. Available at: <https://cont.ws/@dinol/290467> (accessed 16.09.2019). (In Russ.)
12. Matveev N.P. *Kratkiy istoricheskiy ocherk g. Vladivostoka* [A Brief Historical Essay of Vladivostok]. Vladivostok, Rubezh Publ., 2010, 476 p. (In Russ.)
13. Nadelyaeva N. *Oborona Blagoveshchenska 1900 goda: dve storony odnoy medali* [The Defense of Blagoveshchensk in 1900: Two Sides of the Same Coin]. Available at: <https://www.amur.info/culture/2015/07/31/5750> (accessed 29.08.2019). (In Russ.)
14. Obsharina E.S. “Pesni-peredelki” i ikh bytovanie na Dal'nem Vostoke [“Songs-Alterations” and Their Existence in the Far East]. *Istoriya, sotsiologiya i filologiya Dal'nego Vostoka* [History, Sociology and Philology of the Far East]. Vladivostok, DVNTS AN SSSR Publ., 1971, pp. 132—133. (In Russ.)
15. Panchenko A.M. *O russkoy istorii i kul'ture* [About the Russian History and Culture]. Saint-Petersburg, Azbuka Publ., 2000, 462 p. (In Russ.)
16. Sergeev O.I. Uchastie ussuriyskogo kazachestva v voennykh sobytiyakh pervoy chetverti XX v. [The Ussury Cossacks' Participation in the Military Events of the First Quarter of the 20th Century]. *XX vek i voennye konflikty na Dal'nem Vostoke: tez. dokl. i soobshch. Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 50-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne* [The 20th Century and Military Conflicts in the Far East: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Victory of Soviet People in the Second World War]. Khabarovsk, Khabarovskoe kn. izd-vo Publ., 1995, p. 78. (In Russ.)
17. *Skazanie ob Albazinskoj ikone Bozh'ey materi “Slovo plot' byst”* [The Legend about the Albazinsky Icon of the Holy Mother “Slovo Plot' Byst”]. Available at: <http://www.ioann-bogoslov.ru/all/h/ab.htm> (accessed 31.05.2011). (In Russ.)
18. Smirnova E.A. *Otnoshenie provintsial'nogo obshchestva k russko-yaponskoj vojne v 1904—1905 gg.: na materialakh guberniy Verkhnego Povolzh'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Attitude of Provincial Society to the Russo-Japanese War of 1904—1905: Based on the Materials of the Upper Volga Provinces. Author's abstract of the PhD in hist. sci. diss.]. Kostroma, 2006, 22 p. (In Russ.)
19. *Folklor Dal'nerech'ya, sobrannyj E.N. Systerovoy i E.A. Lyakhovoy*: sb. [Folklore of Dalnerechye. Collected by E.N. Systerova and E.A. Lyakhova]. Comp., comment and introd. by L.M. Sviridova. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 1986, 288 p. (In Russ.)
20. Shambarov V. *Russkie berut Pekin* [Russians Take Beijing]. Available at: <https://aleksei-44.livejournal.com/3444714.html> (accessed 20.08.2019). (In Russ.)
21. *Shestaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya “Mekhanizmy formirovaniya zon kulturnogo otchuzhdeniya i pogranič'ya — 2019”* [The 6th International Scientific Conference “Mechanisms of Formation of Cultural Alienation and Borderlands — 2019”]. Available at: <https://cult-exclusion.ru/konferenczii/tekushhie/kulturnoe-otchuzhdenie> (accessed 16.09.2019). (In Russ.)
22. Eliasov L.E. *Folklor Vostochnoy Sibiri. Ch. 3. Lokal'nye pesni* [Folklore of Eastern Siberia. Part 3. Local Songs]. Ulan-Ude, Buryatskoe kn. izd-vo Publ., 1973, 495 p. (In Russ.)